(Запоздалое предупреждение: лучше не кушать во время чтения!)

Тан Фан знал, кто такой Юань Лян. Еще во время аудиенции с принцем он успел разузнать обо всех, с кем сталкивался Хань Цзао в тот день с тех пор, как вошел во Дворец и до своей смерти.

До Дворца Хань Цзао провожал человек из семьи Хань, а затем евнух по имени Юань Лян привел его в Восточный дворец. Во время ходьбы было бы сложно найти нужную точку акупунктуры, чтобы убить Хань Цзао. Кроме того, по словам принца, Юань Лян следовал за ним с тех пор, как Чжу Ютану еще не был дарован титул наследника. Юань Лян был очень преданным, и у него не было ни единой причины убивать Хань Цзао.

Когда Хань Цзао по тайному поручению принца покинул Восточный дворец и направился в Западный, чтобы навестить госпожу Ву, его сопровождал лишь Юань Лян. Вероятность того, что за это время он мог столкнуться с кем-то еще, была невелика. В Западный дворец Хань Цзао зашел один, тогда как Юань Лян оставался караулить снаружи. Хань Цзао некоторое время пробыл в компании госпожи Ву и ее служанки, рассказывая им о последних событиях из жизни Наследного принца.

У госпожи Ву были мотивы и возможности спланировать и подготовить убийство, чтобы обвинить во всем Благородную наложницу Ван. Именно поэтому Тан Фан и настаивал на посещении Западного дворца. Иногда недостаточно просто получить ответ, а вот личная встреча – совсем другое дело. По малейшему изменению лица собеседника можно понять многое. Человеческая мимика вполне может служить отличным косвенным доказательством.

Однако теперь после разговора с госпожой Ву подозрения на ее счет можно было смело отмести.

А это значило, что человек, убивший Хань Цзао, скорее всего, был не из Дворца.

Покинув Западный дворец, Тан Фан продолжил размышлять над делом, стараясь собрать воедино всю полученную за эти дни информацию о Хань Цзао. Теперь, сузив круг подозреваемых, он мог спокойно двигаться дальше.

Ван Джи в Западном дворце вел себя необычайно тихо. Пока Тан Фан беседовал с госпожой Ву и придворной дамой, он просто молча стоял и смотрел. Теперь же, покинув Холодный дворец, он внезапно расхохотался:

— Тан Жунцин! А вы со свергнутой императрицей, кажется, понимаете друг друга с полуслова! Разыграли отличное представление!

— Этот скромный чиновник не понимает, о чем говорит Командующий Ван, – отозвался Тан Фан.

Ван Джи холодно усмехнулся:

— Продолжаешь строить из себя дурачка? Очевидно же, что госпожа Ву как-то связана с Наследным принцем! Дай-ка угадаю, Хань Цзао был их связным? А люди в Восточном дворце, оказывается, такие верные! Так долго держать все в тайне! Даже я оставался в неведении. Как думаешь, как отреагирует Благородная наложница, если узнает об этом?

— Командующий Ван, – со вздохом обратился к нему Тан Фан, – всякий человек вперед смотрит…

Однако Ван Джи полностью проигнорировал его слова:

— Госпожа Ву затаила злобу за свое свержение. Она, в конце концов, бывшая императрица. Неудивительно, что у нее еще остались верные люди. Подгадав момент, когда Благородная наложница отправит принцу суп, госпожа Ву заманила к себе Хань Цзао, который сбежал из Восточного дворца поиграть, и убила его, дабы подставить Благородную наложницу. Таким образом, дело раскрыто, проблема Его Величества решена, подозрения с Благородной наложницы сняты, принц не вовлечен. Все счастливы! Так и доложим. Просто отлично, не правда ли?

Испугавшись, что тот действительно так и поступит, Тан Фан поспешил возразить:

— Благородная наложница не остановится на убийстве свергнутой императрицы. Она воспользуется произошедшим как предлогом, чтобы устроить массовую зачистку в гареме и устранить всех, кто ей не по душе. И Наследного принца это обязательно коснется. Командующий Ван ведь не желает подобного? Кроме того, очевидно, что свергнутая императрица не имеет к этому делу никакого отношения.

Ван Джи сердито хмыкнул:

— Вижу, как ты испугался. А коли так, не вздумай юлить. Немедленно расскажи мне обо всем, что знаешь про Наследного принца и госпожу Ву!

Дураки высоких должностей не занимают. Даже праздно проводящие свои деньки старейшины из Кабинета Министров были достаточно умными личностями. Тан Фан бы ни за что не стал умалять их таланты только потому, что они пренебрегали своими служебными обязанностями.

Однако теперь он обнаружил, что все это время недооценивал Командующего Западной Оградой. Тот оказался действительно необычайно проницательным человеком. Тан Фан изо всех сил старался быть максимально осторожным при разговоре со свергнутой императрицей и ее придворной дамой. Ему казалось, что все прошло гладко, но, к его удивлению, Ван Джи сумел раскусить его.

Тан Фан больше не мог скрывать от Ван Джи правду, а потому рассказал ему о временах, когда госпожа Ву укрывала у себя принца, пока тот переживал не лучшие времена, а затем добавил:

— Наследный принц – почтительный сын. Пусть госпожа Ву и не его настоящая мать, тем не менее он не забыл о ее доброте, даже когда стал Наследным принцем. Обиды помнить отнюдь не сложно, сложно помнить доброту. Тот, кто помнит добро, не может стать коварным человеком. Если его верно наставить, он определенно вырастет мудрым и справедливым правителем. Командующему Вану посчастливилось получить покровительство Его Величества и Благородной наложницы, но подумайте о будущем. Разве для подчиненных милосердный Наследный принц не лучше хладнокровного и недоброго?

Ван Джи насмешливо хмыкнул:

— Да не бойся ты так. Я намерен наладить хорошие отношения с Наследным принцем, и я не

поверну назад на половине пути! Если бы не запугал тебя, как бы иначе добился правды?

«Да уж, ты меня чуть до смерти не напугал, – возмутился про себя Тан Фан. – Думал, ты прямо сейчас побежишь докладывать обо всем Благородной наложнице Ван! Уже решил, что госпоже Ву пришел конец, принцу несдобровать, а этому скромному слуге и подавно». Он криво улыбнулся:

— Прошу прощения, Командующий Ван. Наследный принц велел мне держать все в секрете, ведь чем меньше людей знает об этом, тем меньше риск, что их раскроют.

Ван Джи, прищурившись, взглянул на него:

— Если хочешь и впредь сотрудничать, тебе придется быть честным со мной. Вот что я тебе скажу: я не собираюсь подставлять принца. Что касается госпожи Ву, то могу отпустить и ее, но помни, я должен знать обо всем, что происходит между тобой и Наследным принцем! Ты меня понял?

— Конечно, – улыбнулся Тан Фан. – Командующий Ван искренен со мной, поэтому я тоже должен быть откровенен с ним.

Ван Джи долго смотрел на него, а затем спросил:

— Так значит, госпожа Ву не причастна к убийству Хань Цзао?

Тан Фан поделился с ним своими размышлениями о госпоже Ву, а затем добавил:

— Это дело, действительно, никак с ней не связано. Скорее всего, мы должны сменить нашу стратегию и заняться семьей Хань.

— А смерть Хань Цзао точно наступила из-за акупунктурной Точки Воды? – уточнил Ван Джи.

— Точно, – ответил Тан Фан.

— Услышав об этом, - продолжал Ван Джи, - семья Хань обратилась к Его Величеству с просьбой вернуть им тело Хань Цзао, чтобы похоронить его. Ты уже знаешь, что Хань Фан раньше был учителем Его Величества. Его Величество мягкосердечен, а посему согласился. Если смерть Хань Цзао была подстроена кем-то из семьи Хань, мы можем воспользоваться этим. Вдруг убийца не вытерпит и попытается что-то сделать с телом Хань Цзао? Тут мы его и поймаем! Ну, как тебе план?

«Такой себе план», – подумал Тан Фан, но вовремя вспомнил о том, что они с Командующим Ваном только что заключили перемирие. Ему совершенно точно нельзя было сердить своего нового союзника. Если бы тот рассвирепел, то мог бы совершить какой-нибудь необдуманный поступок. Например, пожаловаться Благородной наложнице Ван, что было бы весьма некстати. Поэтому господин Тан, решив погладить его по шерсти, показал Ван Джи большой палец и одобрительно закивал:

— Отлично! Отличный план! Командующий Ван действительно заслуживает называться Командующим Ваном!

Ван Джи холодно усмехнулся:

— Как фальшиво! Слишком фальшиво!

Тан Фан: «…»

Ван Джи искоса посмотрел на него:

— Знаешь, как некоторые подлизываются ко мне?

— И как же? – покорно спросил господин Тан.

Ван Джи с важным видом заложил руки за спину:

— В прошлом году мне пришлось покинуть столицу по делам. По прибытии меня приветствовала огромная толпа людей. Окружной магистрат заметил, что после тяжелого пути мои сапоги были в грязи, но на встречу со мной они взяли лишь вино, поэтому, усадив меня в кресло, он снял сапоги с моих ног, а затем, склонившись, начисто слизал с них всю пыль и снова обул меня. Тан Жунцин, тебе следовало бы у него поучиться, не так ли?

Чтобы угодить могущественному Ван Джи, любимцу императора, тот чиновник настолько унизился перед ним! И как бы ужасно это ни звучало, если таким образом он смог расположить к себе Командующего Вана, это того стоило.

Господин Тан отреагировал не сразу. Прошло изрядное количество времени, прежде чем он выдохнул:

— Слюна!

Ван Джи: «…»

— На сапогах осталась слюна, – продолжил Тан Фан. – И Командующий Ван все это время носил их? Кожа на них достаточно толстая, если бы у того чиновника был туберкулез или еще какая болезнь, желтая мокрота прилипла бы к сапогам, но, поскольку они черные, то разглядеть ее было невозможно…

Он на полном серьезе размышлял о подобном. Его мысли были слишком далеки от того, что хотел донести до него Ван Джи.

Тот со злостью воскликнул:

— Тан Жунцин! Что вообще происходит в твоей голове?!

Господин Тан обратил на него свой ясный взор и невинно захлопал ресницами.

Ван Джи хотел похвастаться, как другие лебезят перед ним, чтобы поставить Тан Фана на место, но слова господина Тана заставили его почувствовать тошноту.

— С тобой невозможно разговаривать! – сердито воскликнул Командующий Ван и, взмахнув рукавами, быстро зашагал вперед, оставив Тан Фана далеко позади. Его совершенно не заботило, сможет ли тот угнаться за ним.

Господин Тан лениво окрикнул его:

— Эй! Командующий Ван! Не беги ты так! Моим старым ногам не поспеть за тобой!

Поскольку убийство произошло в Восточном дворце, дело это было крайне важное. Очень многие наблюдали за расследованием. Даже Император был необычайно обеспокоен случившимся. Несмотря на то, что Тан Фан получил императорский указ, с его-то рангом он не мог видеться с Его Величеством, когда пожелает, поэтому помощь Ван Джи оказалась весьма кстати.

И хотя дело это возложили на плечи Тан Фана, а не на Ван Джи, тот по-прежнему мог свободно, в любое время, встречаться с Императором и Благородной наложницей Ван вместо Тан Фана и играть роль некоего посредника между ними. Ван Джи должен был докладывать обо всем, что удалось выяснить во время расследования.

Теперь, когда выяснилось, что данное дело, скорее всего, не имело ничего общего с Дворцом, его обитатели могли вздохнуть с облегчением. Император был особенно доволен тем, что его любимая женщина не оказалась причастной к произошедшему и что ему не придется теперь унимать поднявшуюся во Дворце шумиху. И хотя Его Величеству было очень жаль своего учителя, подобный исход все равно оставался для Императора наиболее благоприятным.

Он с радостью удовлетворил просьбу семьи Хань и велел Ван Джи вернуть им тело Хань Цзао, после чего Тан Фан с со своим новым союзником направились к Наследному принцу, чтобы сообщить ему о результатах расследования. Услышав, что госпожа Ву никак не связана с этим делом, принц очень обрадовался и лично поблагодарил Тан Фана.

Тан Фан грустно улыбнулся:

— Ваше Высочество, не стоит. Мы до сих пор не знаем, кто убийца. У нас нет никаких улик. В этом деле много странностей, и правда пока не раскрыта. Я лишь предположил, что Дворец не имеет отношения к этому делу, я не могу сказать этого наверняка.

Наследный принц смущенно улыбнулся:

— Да, я знаю. Магистрат Тан, должно быть, испытывает сильное давление из-за этого дела. Я буду очень благодарен магистрату Тану, если он сможет отыскать убийцу Сяо Цзао.

Принц был мал, однако не по годам сообразителен и проницателен.

Говорят, что дети из бедных семей рано взрослеют. Конечно, принц не был бедняком, однако в детстве пережил немало невзгод и столько раз чудом избежал смерти, что при ближайшем рассмотрении его жизнь вполне могла показаться тяжелее жизни любого бедняка. Не прошло и двух лет с тех пор, как сын Добродетельной наложницы Бай получил титул Наследного принца, как она скоропостижно скончалась по неизвестным причинам. Все знали, кто был убийцей, но молчали. Поэтому, хоть Чжу Ютан и стал наследным принцем, его положение во Дворце по-прежнему было достаточно шатким, будто он ходил по тонкому льду.

— На самом деле, - отвечал Тан Фан, - евнуху Вану также было приказано помочь с расследованием. И он приложил не меньше усилий, чем этот скромный чиновник. Из-за того, что случилось с Хань Цзао, Благородная наложница начала сомневаться в Восточном дворце, но благодаря евнуху Вану, который выступил перед лицом Его Величества и Благородной

наложницы, все недоразумения были разрешены.

Зачем Ван Джи приложил столько усилий? Разве не для того, чтобы произвести хорошее впечатление на Наследного принца?

А коли так, Тан Фан был рад помочь ему с этим делом и замолвить за него словечко перед принцем.

Не ожидавший такой щедрости от Тан Фана Ван Джи тотчас радостно поклонился Наследному принцу:

— Этот чиновник не смеет преувеличивать свои заслуги. Он делает это, чтобы выяснить правду, помочь умершему упокоиться с миром и успокоить сердца Его Величества и Вашего Высочества!

Стоит упомянуть, что евнухи и придворные дамы должны были называть себя «этот раб» или «эта раба», но личности вроде Ван Джи с Шан Мином имели слишком высокий статус. Сам Император величал их «служащими», что значило, что они могли называть себя «этот чиновник» наравне с другими.

Наследный принц знал, что Ван Джи был человеком Благородной наложницы Ван, а также он знал, что Благородная наложница Ван ненавидела его, принца.

Многие полагали, что в смерти Хань Цзао была виновата Благородная наложница, в то время как та подозревала, что произошедшее – дело рук наследного принца. Ван Джи же смог убедить Благородную наложницу Ван в том, что принц непричастен к этому убийству, оказав тем самым ему огромную услугу.

Принц очень удивился, однако тотчас ответил:

— Служащий Ван слишком скромен. Ты очень ответственно подходишь к выполнению своих обязанностей. Я не раз слышал об этом от Отца-Императора. Я полагаюсь на тебя в этом деле!

— Этот чиновник не осмелится предать доверие Вашего Высочества, – торжественно отвечал Ван Джи. – Обещаю сделать все, что в моих силах!

Покинув Восточный дворец, Ван Джи довольно улыбнулся:

— Хорошо, Жунцин, я в тебе ошибался. А ты не так плох!

Вы только поглядите на него! Ранее, будучи рассерженным, он звал его по имени и фамилии. Теперь же обращался к нему ласково по имени в быту. Кажется, настроение Командующего Вана менялось со скоростью света!

Тан Фан многозначительно усмехнулся:

— Командующий Ван, только гляньте на небо! Только что было затянуто темными тучами. С чего это оно вдруг резко просветлело? Вот она, июньская погода! Меняется на глазах!

Ван Джи, рассмеявшись, погрозил ему пальцем:

— Этот командующий великодушен, не станет на тебя сердиться. Попробуй сказать подобное Шан Мину! Он затаит такую обиду, что свет белый станет тебе не мил!

— Коли я смог найти общий язык с Командующим Ваном, неужели не смогу поладить и с Шан Мином? Как говорится, рыбак рыбака видит издалека!

Ван Джи понятия не имел, как с ним справиться. Он ни разу не встречал человека, способного любой разговор свести к самовосхвалению!

Нельзя сказать, что Тан Фан не думал, что говорил. Все его высказывания были достаточно остроумны и интересны. Казалось, будто он смеялся над ним, но, на самом деле, в его словах не было ничего оскорбительного. Ван Джи иногда сердился, злился и вступал с ним в перепалку. Любому другому он бы не спустил подобного отношения, однако с Тан Фаном ему даже нравилось ссориться.

Он целыми днями был осторожен в своих словах и поступках, защищался от козней окружающих или сам плел интриги. Именно поэтому словесные перепалки с Тан Фаном помогали ему расслабиться и даже приносили некоторое удовольствие.

Они не стали откладывать дело в долгий ящик и, покинув Дворец, тотчас отправились в особняк семьи Хань, куда только что с одобрения Императора из Западной Ограды было перевезено тело Хань Цзао. Подготовка к похоронам шла полным ходом.

Обитатели особняка не посмели пренебречь столь важной персоной вроде Ван Джи, который, ко всему прочему, выполнял приказ самого Императора. Хань Ци встречал их лично, собрав у ворот всю семью. Однако родители Хань Цзао, Хань Фан и госпожа Лин, не смогли присутствовать. Вместо них на встречу с Ван Джи пришел Хань Хуэй, приемный сын Хань Фана.

Хань Хуэю было двадцать лет. Более десяти лет назад, когда госпожа Лин была замужем за Хань Фаном уже достаточно долгое время, госпожа Чжоу заставила их признать Хань Хуэя своим сыном, поскольку у пары не было своих детей, а развестись с женой или завести наложницу Хань Фан категорически отказывался.

Хань Ци, горько улыбаясь, вежливо извинился перед Ван Джи и Тан Фаном:

— Мой сын и его жена были так потрясены тем, что стало с А Цзао, что до сих пор остаются прикованными к кровати. Вчера тело Хань Цзао было доставлено сюда, после чего госпожа Лин заставила себя подняться. Несмотря на уговоры, она настояла на том, что пробудет с ним всю ночь, в результате чего сегодня утром снова занемогла и слегла. Командующий Ван, магистрат Тан, присаживайтесь. Я пойду и велю им прийти поприветствовать вас.

Его старший сын, Хань Юй, служил чиновником в другой провинции. Хань Ци было уже больше шестидесяти лет, и его карьерные успехи не были столь выдающимися, как у его сыновей. Раньше он занимал лишь скромную должность распорядителя шестого ранга в одном из Шести Министерств. Так и не дождавшись повышения, он ушел в отставку, чтобы заниматься домашними делами на пенсии.

И хотя оба его сына были чиновниками, а второй, к тому же, в прошлом учителем Императора

и высокопоставленным советником в настоящем, Хань Ци бы ни за что не посмел оскорбить Ван Джи.

Ван Джи лишь махнул рукой:

— В этом нет необходимости. Мы пришли сюда ради расследования. Если будет нужно, сами навестим их, чтобы задать пару вопросов и выразить соболезнования их утрате. Мы прибыли сюда, чтобы почтить память покойного. Кроме того, нам также необходимо осмотреться в вашем особняке, поэтому, пожалуйста, отрядите кого-нибудь, кто смог бы тут все показать, и предупредите женщин, чтобы не волновались.

Несмотря на свой юный возраст, держался он чрезвычайно величественно. В великолепных одеждах с Кирином каждый его жест, каждое движение казались раза в два убедительнее, а вся его женственность внезапно испарилась, уступив место решительности и непоколебимости. Члены семьи Хань очень нервничали перед лицом его могущества.

Тан Фан же несколько терялся на его фоне и казался лишь слабой тенью Ван Джи.

Но он ни капли не переживал из-за этого. Тан Фан был даже рад тому, что ему не приходится что-то делать. Лишь изредка вставлял пару фраз, но большую же часть времени просто наблюдал за тем, как Командующий Ван беседует с членами семьи Хань.

Те, конечно же, не стали перечить Ван Джи и велели Хань Хуэю всячески помогать им, а также предупредить всех членов семьи, чтобы те сотрудничали со следствием.

Командующий Ван продолжал нетерпеливо беседовать с Хань Ци, который чувствовал себя рядом с ним не в своей тарелке. Когда Хань Хуэй вернулся, Хань Ци тотчас извинился и покинул их, доставив тем самым удовольствие как себе, так и Ван Джи.

Хань Цзао, в отличие от Чжэн Чэна, умер в очень раннем возрасте, а посему не было необходимости торопиться с похоронами. Кроме Хань Хуэя и печальных слуг его отца, остальные члены семьи Хань, включая Хань Ци и госпожу Чжоу, не выглядели сильно расстроенными. Из чего можно было сделать вывод, что отношения между семьей второго сына, его родителями и старшим братом были достаточно прохладными.

— Господа, – обратился к ним Хань Хуэй, – с чего бы вы хотели начать осмотр? Я провожу вас.

Хань Хуэй был хорошо воспитанным молодым человеком, невысоким, с мягкой, вежливой манерой речи. Услышав о смерти своего младшего брата, он немедленно отпросился домой из Императорской Академии. Хань Фан с госпожой Лин были не в состоянии вести дела, поэтому именно на него возложили организацию похорон. Прошел лишь день, а его лицо уже выглядело крайне изможденным, а глаза сильно покраснели.

— Хань Цзао был младшим внуком в семье Хань. Должно быть, им очень дорожили. Тогда отчего его дедушка с бабушкой не кажутся мне расстроенными? – спросил Тан Фан.

Хань Хуэй горько улыбнулся:

— Нехорошо обсуждать старших. Я не должен говорить этого, но поскольку господа спрашивают, я вынужден сказать правду. Дедушка с бабушкой не любят мою мать, потому и Сяо Цзао их не особо волновал. Больше всех они любят нашего двоюродного брата со стороны

дяди.

— А как дедушка с бабушкой относятся к твоему отцу? – снова спросил Тан Фан.

— Как по мне, – с сомнением отвечал Хань Хуэй, – достаточно прохладно.

— Кто сопровождал Хань Цзао во дворец в то утро? – сменил тему Тан Фан.

— Я учусь в Императорской Академии, – с сожалением в голосе проговорил Хань Хуэй. – Обычно я провожаю Сяо Цзао во Дворец, но в те дни у меня были экзамены, а потому накануне вечером я не стал возвращаться домой и остался на ночь в Академии. Сяо Цзао во Дворец сопровождал его мальчик-слуга. Это моя вина. Если бы я, как обычно, отвел его во Дворец, ничего бы не случилось!

— Ты был в хороших отношениях с Хань Цзао? – поинтересовался Тан Фан.

— Да, – печально ответил Хань Хуэй. – Я был на десять лет старше Сяо Цзао. Можно сказать, он вырос у меня на руках. Поскольку в доме мало кто любил Сяо Цзао, он частенько лип ко мне…

— Кто не любил Хань Цзао? – перебил его Тан Фан.

— Дедушка с бабушкой, люди моего дяди. Матушка чрезмерно опекала Сяо Цзао, но она… – Хань Хуэй не стал продолжать, лишь горько улыбнулся и покачал головой.

— Мальчик-слуга Хань Цзао здесь? – продолжал спрашивать Тан Фан.

— Здесь, – кивнул Хань Хуэй. – Но после произошедшего матушка велела запереть его в сарае и не кормить. Я втайне приносил ему еду, иначе бы он умер от голода. Но теперь его охраняют люди моей матери. Если господа хотят увидеть его, не могли бы вы сначала поговорить с матушкой? Иначе, если матушка разозлится на меня, не думаю, что смогу справиться с этим.

С каких это пор Командующему Вану нужно было спрашивать чье-то разрешение? Если бы это был Хань Фан, он бы еще подумал, ведь тот когда-то был учителем Императора Чэнхуа. Но госпожа Лин!

— Какая-то невежественная женщина! Я получил приказ Императора! Она посмеет сделать мне замечание?! Видеться с ней нет нужды! Просто приведи сюда этого мальчика-слугу и все!

— Командующий Ван, все в порядке, – вмешался Тан Фан. – Госпожа Лин – мать Хань Цзао и жена советника Ханя. Мы должны нанести ей визит.

Ван Джи закатил глаза, однако возражать не стал.

Хань Хуэй заметил, что из этих двоих господ евнух Ван определенно занимал наиболее высокое положение, однако за расследование, очевидно, отвечал именно Тан Фан.

Он благодарно улыбнулся Тан Фану:

— Господа, пожалуйста, следуйте за мной.

Сопровождаемые Хань Хуэем, Тан Фан с Ван Джи зашли в главные покои второго сына семьи Хань. Услышав об их прибытии, Хань Фан тотчас поднялся и вышел, чтобы поприветствовать их. Выглядел он очень бледным и уставшим.

— Мой сын трагически скончался. Я очень благодарен Его Величеству за то, что Он послал вас, господа, расследовать это дело. Вы много работаете. Я вам так признателен!

Обменявшись с ним приветствиями, Тан Фан спросил его о запертом по приказу госпожи Лин мальчике-слуге.

Хань Фан горько улыбнулся:

— Стыдно признаться, но моей супруге пришлось претерпеть немало страданий, когда она только вышла за меня замуж. Я тогда был очень занят, и у меня не было времени на домашние дела. Когда я заметил ее депрессивное состояние, было уже слишком поздно. Она изменилась до неузнаваемости! К счастью, у нас был Цзюньцзи, а затем небеса благословили нас А Цзао, и моя супруга постепенно пошла на поправку. Я так виноват перед ней!

«Цзюньцзи» было именем в быту Хань Хуэя.

— Кажется, у Вашей супруги напряженные отношения с прочими женщинами семьи? – обратился к нему Тан Фан.

— Да, – со вздохом ответил Хань Фан. – Из-за прошлых обид у моей супруги, матери и невестки было много разногласий.

Кажется то, что ранее Ван Джи рассказывал о семье Хань, полностью соответствовало действительности. Выслушав Хань Фана и Хань Хуэя, Тан Фан без труда нарисовал в своем воображении образ вздорной и ограниченной женщины. Порядочные чиновники вроде Тан Фана предпочитали не вмешиваться в семейные дела. Госпожа Лин нажила немало врагов, и не было ничего удивительного в том, что кто-то из них мог навредить Хань Цзао, чтобы отомстить ей.

— Для начала нам бы хотелось видеть мальчика-слугу, – напомнил Хань Фану Тан Фан.

— Моя супруга отдыхает в одной из внутренних комнат. Господа, подождите немного, я схожу поговорю с ней.

Даже по столь ничтожному делу он не мог принять самостоятельного решения, ответив, что сначала должен посоветоваться со своей женой. Чем любовь сильнее, тем более странной она кажется окружающим. И хотя госпожа Лин не ладила со всей его семьей, Хань Фан искренне любил ее, отказывался заводить наложниц и готов был пожертвовать всем ради нее.

— Раз уж мы здесь, почему бы нам не пойти вместе с советником Ханем навестить Госпожу? – предложил Тан Фан.

— Хорошо, – согласился Хань Фан.

Войдя во внутренние покои, Хань Фан спросил дежурившую у них служанку:

— Госпожа здесь?

— Госпожа отдыхает внутри, – ответила та.

Стоило ей договорить, как из комнаты госпожи Лин раздался голос:

— Кто там?

Служанка поспешно приподняла занавес и доложила:

— Мама (обращение к кормилице), пришел Господин и с ним еще несколько господ. Говорят, что хотят задать пару вопросов о молодом господине Цзао.

— Пожалуйста, проходите, – отозвались из покоев.

Тан Фан с остальными зашли в комнату следом за Хань Фаном и, обойдя ширму, увидели женщину средних лет, собирающуюся подняться с кровати, и пожилую служанку подле нее.

Хань Фан поспешно сделал шаг вперед, чтобы остановить госпожу Лин:

— Тебе нездоровится, лучше приляг. Эти господа – Командующий Ван из Западной Ограды и магистрат Тан из префектуры Шунтянь. Они прибыли сюда по приказу Его Величества, чтобы расследовать смерть А Цзао, а теперь хотят увидеться с его слугой.

— Если Госпоже нездоровится, лучше не вставайте, – поддержал его Тан Фан. – Я пришел сюда лишь для того, чтобы выразить Вам свое почтение.

Госпоже Лин было уже больше тридцати, но она еще сохранила свою прежнюю красоту. Черты ее лица были необычайно привлекательны. Неудивительно, что Хань Фан так сильно любил ее все эти годы. Однако сейчас ее кожа приобрела болезненно-желтый цвет, а лицо было очень мрачным.

— Господа, вы так тяжело трудитесь ради моего сына. Мне так жаль… – начала госпожа Лин мягким и приятным голосом, однако стоило ей увидеть Хань Хуэя, стоящего позади Хань Фана, как она тотчас изменилась в лице: – Кто тебя сюда впустил?! – резко закричала она на него.

— Дорогая… – взмолился Хань Фан.

Однако госпожа Лин не обращала на него никакого внимания. Она уставилась на Хань Хуэя ненавидящим взглядом и гневно воскликнула:

— Убирайся отсюда! Не хочу тебя ни слышать, ни видеть! Тебе мало было убить своего младшего брата?! Теперь и меня со свету сжить хочешь?!

— Матушка… – растеряно пробормотал Хань Хуэй.

— У меня нет такого сына! – пронзительно закричала она. – В тот день ты мог проводить Хань Цзао до Дворца! Почему ты этого не сделал?! Ты все спланировал, не так ли?! Думал, если Сяо Цзао умрет, ты останешься единственным сыном?! Вот что я скажу тебе: даже не думай об этом! Я тебя не рожала! Иди к этой старой суке! Это она привела тебя в дом Хань! Вот пусть она и зовется твоей матерью!

— Дорогая! – заметив, что его жена распаляется все сильнее и сильнее, прикрикнул на нее Хань Фан.

Госпожа Лин начала задыхаться, ее разум помутился. Она продолжала бить себя кулаком в грудь, плача и причитая:

— Сяо Цзао! Сяо Цзао! Что будет с твоей матерью?! Ты умер такой ужасной смертью! Кто мог быть настолько жестоким, что сделал это с тобой?! Чжоу?! Ван (жена брата Хань Фана)?! Дай матери знак во сне! Матушка отомстит, а затем отправится вслед за тобой! Мой сыночек!

Крики женщины резко били по ушам, так что Тан Фан невольно нахмурился. Командующий Ван, будучи не в силах больше выносить этого, бросил: «У меня нет слов!» – и удалился, взмахнув рукавами.

Хань Хуэй также поспешил уйти. Тан Фан беспомощно смотрел, как Хань Фан мягко успокаивает свою жену и уговаривает ее прекратить, а затем развернулся и молча вышел из комнаты.

Покинув покои госпожи Лин, Тан Фан заметил во дворе Ван Джи с Хань Хуэем, который, вежливо сложив руки, продолжал извиняться перед Командующим. Увидев выходящего из дома Тан Фана, Хань Хуэй горько улыбнулся:

— Господа, прошу прощения! Разум моей матушки уже несколько лет как не в порядке. Иногда из-за эмоциональных потрясений у нее случаются приступы, и она ведет себя несдержанно!

По его грустной улыбке было видно, что Хань Хуэй, должно быть, достаточно натерпелся от нее. Слова, брошенные госпожой Лин в приступе гнева, не могли не ранить его. Да, она не отдавала себе отчета в том, что говорит, но разве слова, произнесенные в беспамятстве, не отражают наших истинных мыслей? Вот как на самом деле относилась к нему его приемная мать. Хань Хуэй не знал, как реагировать на это. Даже Тан Фан не мог не посочувствовать ему.

Тан Фан и остальные не могли этого знать, но впоследствии то, что происходило с госпожой Лин, назовут «манией преследования». Другими словами, ей постоянно казалось, что кто-то хочет причинить ей вред, что со всех сторон ее окружают одни враги: госпожа Чжоу, госпожа Ван, Хань Хуэй – все они были ее воображаемыми противниками.

Судя по тому, с какой осторожностью вели себя с госпожой Лин горничные и служанки, подобные приступы, когда она была столь несдержанна и даже разбрасывалась вещами, не были какой-то редкостью. Тан Фан предполагал, что эта болезнь, скорее всего, вызвана бесконечной депрессией, которой страдала госпожа Лин, когда только попала в семью Хань. Хань Фан чувствовал себя виноватым перед своей женой, а потому всячески потакал ей.

— Как долго она в таком состоянии? – спросил он у Хань Хуэя.

— Я мало что помню, – как и ожидалось, ответил Хань Хуэй. – Так продолжалось с тех пор, как я был ребенком. Бабушка навязала меня моей матери, поэтому она никогда не любила меня. Когда родился Хань Цзао, ей стало лучше, но несколько лет назад из-за моей тети… – он заколебался и, взглянув на Тан Фана с Ван Джи, замолчал.

— Почему не продолжаешь? – спросил Тан Фан.

— Это лишь безосновательные заявления матушки… – горько улыбнулся Хань Хуэй. – Племянница моей бабушки, двоюродная сестра моего отца, овдовев, вернулась в столицу и поселилась здесь, в семье Хань. Бабушка как-то хотела, чтобы мой отец развелся с матушкой и женился на молодой госпоже Чжоу, но тот отказался.

Тан Фан кивнул, он уже слышал об этом от Ван Джи:

— И что потом?

— Мой отец не желал заводить наложницу, да и моя тетя, госпожа Чжоу, не хотела становиться ею, поэтому все забыли об этом, но моя матушка как-то прознала о случившемся и закатила тете Чжоу скандал. Моя тетя была так унижена, что чуть не покончила с собой, после чего матушка стала все более и более нетерпимой. Она наложила множество запретов для Сяо Цзао. Тетя Чжоу была очень добра к Сяо Цзао, и тот частенько бегал поиграть с ней. Но узнав об этом, матушка строго-настрого запретила ему ходить к тете Чжоу. И во двор нашего дяди она его тоже не отпускала… – Хань Хуэю было очень неловко рассказывать о делах своей семьи, особенно о старших ее членах. – Как-то так все и было. Итак, вы сами видели: матушка теперь раздражается практически из-за всего. Ей кажется, что окружающие постоянно пытаются навредить ей. Сейчас, когда Сяо Цзао умер, она…

Хань Хуэй выглядел очень подавленным.

Тан Фан похлопал его по плечу:

— Нелегко тебе пришлось!

— Ничего, – покачал головой Хань Хуэй. – Господа, разве вы не хотели увидеть слугу Сяо Цзао? Я отведу вас к нему.

***

Примечания переводчика:

Мэн Сиши после главы не пишет ничего особо важного, только о том, как устала от очередной гигантской главы, как у нее болит шея и как она хочет погулять.

Да уж, глава выдалась большая, и следующие две будут не меньше… Но праздники закончились, и я возвращаюсь в привычный режим переводов. То есть такого большого перерыва между главами (больше недели прошло) пока не ожидается. Не переживайте!

От истории Ван Джи о том магистрате мне поплохело… Как Тан Фан ловко выкрутился) Не знаю, специально ли, или у него мозг действительно работает совершенно не так, как у обычных людей.

«Моим старым ногам не поспеть за тобой!» - Господин Тан, 23 года, пенсионер.

Понравились мысли Ван Джи про самовосхваление господина Тана. Не, ну а что? Сам себя не похвалишь – никто не похвалит. От Ван Джи дождешься, ага ~

Не очень понравилась реакция ТФ и еже с ним на крики госпожи Лин… А чего они ожидали от

человека, потерявшего ребенка?

А госпожа Чжоу (бабушка Хань Цзао) – отличный пример того, как старшее поколение, настойчиво лезущее в отношения младших, портят жизнь им и всем вокруг. Отвратительная особа… Хотя, если подумать… Она не любила Хань Фана, потому что тот, скорее всего, не был ее ребенком… И опять приходим к тому, что из-за мужика, который не умеет держать кхм-кхм… кое-что в штанах, все и началось… Госпожа Чжоу возненавидела Хань Фана и издевалась над его женой, а та, в свою очередь, потеряв рассудок, обижала приемного сына и молодую госпожу Чжоу… круговорот ненависти в природе.

http://tl.rulate.ru/book/50212/1448307